

ДМИТРИЙ
АЛЕКСАНДРОВ

ОСТРОУМОВ

Москва

ДМИТРИЙ
АЛЕКСАНДРОВ

ОСТРОУМОВ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Александров, Дмитрий Александрович.

А46 Остроумов / Дмитрий Александров. — Москва : 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-600-04426-5

Российская империя, 2891 год.

Через 20 лет после окончания Русско-марсейской войны на планетах Российской империи вновь неспокойно.

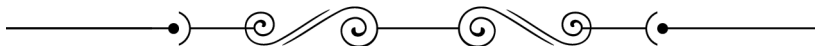
Купец 1-й гильдии Владимир Остроумов отправляется на Марс, узнав о пожаре на своей фабрике. На месте он обнаруживает оборванные провода и начинает подозревать, что поджог был умышленным. Однако в огнеборном управлении Остроумова встречают враждебно и настаивают на его собственной виновности. А позже марсианские роботы-автоматы нападают на фабрику и самого купца... Новые вызовы и опасности грозят Остроумову разорением и ставят под угрозу жизни его супруги и дочерей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

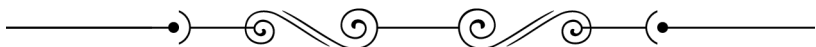
ISBN 978-5-600-04426-5

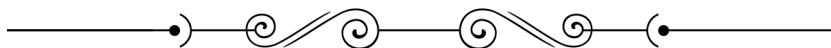
© Александров Д.А., 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

*Посвящается Александру Михайловичу Морозову,
человеку, который любил книги*

ЧАСТЬ 1

1. ВОЗВРАЩЕНИЕ

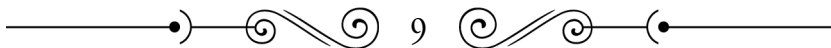
Купец первой гильдии Владимир Ростиславович Остроумов в очередной раз хлопнул узорчатой крышкой часов, опустил их в карман жилетки и подошел к зеркалу. «Да вроде хорош!» — сказал он вслух, поправляя запонки на концах воротничка. Фигура статная, уверенная. Сорочка оттенка лунного серебра, непременная серая жилетка. Каштановые волосы зачесаны назад, усы ракетопланом, аккуратная борода. В уголках глаз по паре морщин, но ведь с ними даже лучше — грустинку убирают, веселее делают. «Для шестого десятка хорош!»

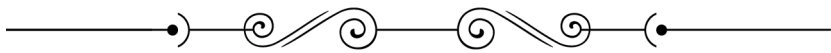
Остроумов решительно повернулся к зеркалу спиной, вновь вытащил часы и, на сей раз не раскрывая их, щелкнул спрятанной в углублении кнопкой. За дверью кабинета послышались тихие, чуть торопливые шаги, и в комнату вошел Ятим, домовой автомат.

— Яшка! Вели молоть кофей. Тот, который Киселецкий привез, в синей жестянке.

Домовой на каждое слово моргал большими глазами, показывая свое внимание. Был он удивительно похож на человека — юноша юношей, ловкий, мягкий, невозможно было даже подумать о металлических деталях, двигателях и проводах, спрятанных в его теле.

Купец поднял голову, задумавшись о чем-то далеком. Снаружи донесся сигнал извозчика, и Остроумов, слов-

но разбуженный этим звуком, снова повернулся к автомату.

— Ты вот что, гляди, чтобы ничего марсианского сегодня не было. Важное дело. И чтобы другие, значит, тоже глядели.

— Хорошо, Владимир Ростиславович, исполним, — тихим, ясным голосом ответил автомат. — Прикажете идти?

— Да, ступай. Должны уже скоро быть. Все готовы, и все готово.

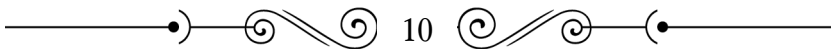
Дверь тихо затворилась. Купец, словно журуя себя за лишние слова, покачал головой: «Суетишься... Ну, в такой день дозволено и посуетиться».

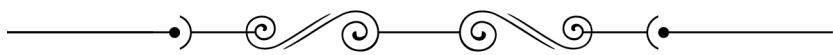
Человеком Остроумов считался ярким и щедрым на эмоции, хотя умел, когда надо, обернуться холодным и расчетливым дельцом. Происходило это порой так быстро, что могло на людей, его не знающих, произвести впечатление весьма пугающее.

Сегодня он ждал встречи с Ермаковым, капитаном Императорского корпуса дальних изысканий, который вернулся три дня назад из большой экспедиции, отбыл с командой положенный карантин, прошел все обследования и сейчас летел на красном автожире из Домодедовского космопорта сюда, на Новую Якиманку, в усадьбу Остроумовых.

* * *

Шумное Домодедово осталось позади. Автоматы в синих комбинезонах с вышитыми серебром эмблемами — орлами и стрелами — уже завели катер в ангар и будут проверять теперь каждый винтик, каждый проводок и каждую пядь обшивки корпуса. «Такая же забота сейчас

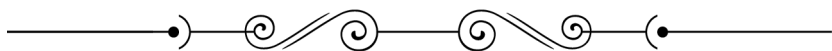
и на орбите. Добрый «Витязь», отдыхай, дорогой мой, любимый!» — так думал Ермаков, и губы его чуть шевелились.

Закончилось! Можно наконец расслабиться, сбросить с себя напряжение, не пропадавшее ни на минуту долгие семь месяцев. Ответственность за команду и корабль, ясное осознание того, что нет рядом помощи и в твоих руках только то, что есть на корабле, и сам корабль, — с такой мыслью просыпался и засыпал он всю экспедицию.

Иван Ермаков, капитан корвета «Витязь», командир трех и участник восьми межгалактических экспедиций, герой Русско-марсейской войны, не отрываясь смотрел на пролетающие под ним предместья старой столицы, большой Москвы. Его лицо, выглядящее старше своих пятидесяти девяти, несло на себе и приличное количество морщин, и загар, какой не получить на Земле, и ожог на щеке — след встречи со смертельно опасным обитателем далекого мира. Было в нем все, что ожидаем мы, начитавшись известных книг, увидеть в капитане звездного корабля: аура мудрости, воли и доброты, русые волосы, борода-якорь, ямочки по краям прямого рта, острый взгляд, блестящие серые глаза, не теряющие даже сейчас, в часы покоя, известного капитанского прищуря.

Если для Остроумова время текло медленно и было похоже на густой мед, наполненный сложными ароматами воспоминаний, то для Ермакова неслоь оно сейчас стремительно, и нужно было прилагать усилия, чтобы звуки, предметы — все, что его окружало, — воспринимались частью реальности, а не частью сна.

Неделю в таком состоянии пребывал каждый человек, вернувшийся из долгого космического путешествия. Это состояние называли «космической болезнью», и хотя ученые давно искали медицинское объяснение этому фе-

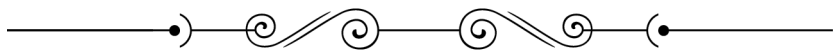
номену, до сих пор никто не смог выдвинуть убедительную гипотезу его происхождения, а уж тем более предложить эффективную терапию.

Все мешалось в голове Ермакова. Личная история со всеми ее трагическими моментами сплелась с историей империи. Капитану казалось, что он прожил уже две-три сотни лет, а знание о своей настоящей жизни — выдумка разума, мираж. И вместе с тем Ермаков понимал, что это не мираж, а всего лишь космическая болезнь, к которой невозможно привыкнуть.

Строительство оземельных станций на Венере и Марсе, первые звездные корабли, искривители, первые колонии у других звезд, в других галактиках... Время несло стремительно, мир рос, расширялся с такой скоростью, что сложно было за ним уследить. Каждый раз, возвращаясь домой, Ермаков будто пытался нагнать убежавшее вперед время: покупал ежемесячные журналы, читал новости на экране карманной машинки.

Человечество одновременно любило прогресс и страшилось его. Люди старались всеми силами сдерживать лавину изменений, новым изобретениям придавались старые, привычные формы, прогресс шагал рука об руку с традициями... и все же менялся сам человек. «Человеку должно приспособливаться к тому, чего не в силах он поменять, но должно менять то, что в его силах, и силы эти следует увеличивать каждый прожитый день», — так сказал однажды академик Вышеградский. Но как же приспособиться к тем изменениям, которые производим мы сами над собой?

Рядом с Ермаковым сидел Дмитрий Волховский, человек, которому капитан был обязан жизнью. Тогда, на Андреевских Топях, его первый помощник (в свои двадцать семь имевший за спиной приличный послушной спи-

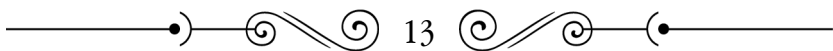

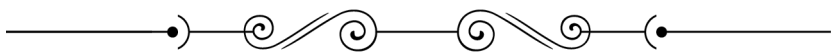
сок, но все же впервые оказавшийся за Светлым поясом), не колеблясь ни секунды, бросился с голыми руками на инопланетное чудовище. Лишь благодаря его внимательности, ловкости и храбрости остались они живы. Высокий, широкоплечий, с темными, почти черными волосами, красивым прямым лицом, обыкновенно выбритым до совершенной гладкости, привыкший не показывать лишних эмоций и не говорить лишних слов, но всегда готовый действовать, будто боевая пружина взведенного оружия, — настоящий офицер флота... Но все же был он романтиком, служил не ради службы, что иногда случается, а ради космоса.

Весенние поля, уже покрытые бархатом всходов, раскинулись вдоль рукотворной реки. Домики с рыжими, зелеными или блестящими голым металлом крышами вытянулись двумя рядами вдоль дороги. Дорога бежала через поля, и легкая небесная машина несла своих пассажиров вдоль нее к Старой заставе. Начался большой лес — еще не темный, а приветливый весенний лес, полный пробудившейся жизни: родной земной жизни, птичьих голосов, журчащих ручьев, запахов. Шершавая кора, покрытая бородой мха, гибкие ветви с молодыми листочками, сухая прошлогодняя трава под ногами...

Чем сильнее отдалается человек от Земли, тем чаще образы родной природы (разные для каждого и вместе с тем понятные каждому) посещают его, человека, во снах. Ермаков мальчишкой бегал по апрельскому лесу с рогаткой, искал в ручье чертовы пальцы — панцири доисторических моллюсков, — вечером готовил с приятелями картошку в углях... Неужели это он, тот самый Ванька из Белозерки, теперь капитан большого звездного корабля?

— Прилетели, ваше высокоблагородие!

Голос пилота, воздушного извозчика.

Ермаков пригладил чуть выющиеся и оттого непослушные волосы и взглянул на своего помощника.

— Вот дела — уже усадьба! Быстро мы, Дмитрий Алексеевич, быстро... Кажется, минуточку летели, самое большее две.

Лейтенант кивнул:

— Непривычно.

— Такая штука — это время, боимся мы его и зависим от него... Идемте, нас уже встречают!

По широкой, мощенной шершавой желтоватой плиткой дорожке к ним спешили два автомата.

Усадьба Остроумовых выстроена была в новом баженовском стиле, бывшем не в широкой моде в империи, но любимом московским купечеством. Стены из темно-красного кирпича украшали светлые каменные орнаменты, напоминающие теремные кружева. Из того же камня выполнена была массивная окантовка окон. Окна второго этажа накрывали резные арки с гирьками. Поверх арок двух центральных окон располагался барельеф, изображавший смотрящих друг на друга змеек в обрамлении из дубовых листьев — отражение купцовского дела, которое в первую очередь составляла торговля духами, а во вторую — мылом и разными снадобьями для красоты и здоровья.

— Ваня! Живой! Дай же обнять тебя!

Остроумов, дождавшись, когда его друг переступит через порог, сгрел его в крепких объятиях. Оба хлопали друг друга по плечам, словно проверяя, действительно ли они увиделись после всех перипетий, тревожных посланий через миллионы световых лет, а временами и ледящего молчания. Ермаков почувствовал себя наконец живущим здесь и сейчас, землянином на Земле.

